

Philological Sciences

Филологические науки

UDC 82

Rereading «Eyewitness»

Charidijr Valihanov

Arkalyk state teacher training college of I.Altynsarin, Kazakhstan

110300, Arkalyk, E.Auelbekov street 16, Apt. 20

PhD (Philology), Associate Professor

E-mail: Valihanov.1964@mail.ru

Abstract. This article analyses Gabiden Mustafin's novel «Eyewitness», which is known to be the highest example of autobiographical genre in Kazakh literature. The author touches upon the range of problems, concerned with the Soviet period, writer's fate, art analysis, considering conclusions about A. Fadeev's oeuvre, published later, the novel "Eyewitness" by Gabiden Mustafin.

Keywords: autobiographical work; facts of life; character; author's position; writer's idea; personality; rebellious prose; national ideology.

Введение. Казахский писатель-классик Габиден Мустафин написал «Очевидца» на одном дыхании, с необыкновенной силой. В романе «Очевидец», написанном, когда уже остались позади высокие перевалы в жизни и установилось некое спокойное равновесие, мастерски сочетаются густые краски правды жизни с захватывающей художественной истиной. Через написание «Очевидца» писатель демонстрирует какой-то особый пример соединения в одном направлении писательской цели и сыновнего долга перед родным народом. Заново поднять и показать по прошествии многих лет свет и тени вчерашнего дня через судьбу человека, создать художественное произведение, хватающее за душу – это по силам лишь настоящему мастеру.

Материалы и методы. Как только взял перо в руки, Габиден Мустафин стал писать свои произведения на волне устремленной вперед своей эпохи, подпитывая их правдой времени, охватывая в них редкие повороты в течении советской жизни. Основой романов «Шиганак», «Миллионер», «Караганда» явились определяющие признаки новой жизни.

Сложные исторические явления в судьбе народа, страны в целую определенную эпоху давно, еще во времена написания «После бури», начали волновать писателя, глубоко затрагивать его. «Очевидец» - произведение, написанное уже сложившимся мастером, во времена, когда установилась манера письма, когда течение клубков, сгустков мыслей, философия жизни – все говорило по-мустафински. Произведение, смело разрушившее множество художественных заграждений, не поддающихся легко при отражении широкого течения жизни, было написано безупречно.

О художественной ценности произведения, отобразившего один из этапов истории жизни взрастившего его края в широком социальном, духовном диапазоне, со множеством героев, историями их жизней, с которыми неоднократно соединяла судьба, как только вышло произведение было немало высказано идущих от сердца мыслей.

Дискуссия. «Очевидец» - одна из счастливых удач на писательском пути Габидена Мустафина, не повторяющееся, возвышающееся произведение.

Художественная литература, рожденная в рамках метода социалистического реализма, основанного и утвержденного советской системой, в настоящее время проходит через сложные требовательные суждения. Это явление, особенно характерное для истории русской литературы, ясно видно из стремления подтянуть ее к области сегодняшнего понимания.

Не часто встречаются творческие личности, отразившие в художественной родословной советскую пору казахской истории, среди них Габиден Мустафин, его

современники, русские писатели М.Шолохов, А.Фадеев, А.Твардовский, Д.Бедный и др., в последнее время многожды подтверждались художественному, творческому разбору. В этот период были сделаны несколько заключений, касающиеся творчества Габиден Мустафина. С высоты времени начинаешь замечать, что истинный художественный мир, рожденный очень крупными деятелями советской эпохи, поворачивается какими-то новыми гранями, наблюдается явление открытия новых ценностей, начинаешь понимать, как бы не было сильно влияние идеи, она все равно оказывается бессильной перед чудесными силами, полными тайны источниками творчества.

В истории русской литературы XX века Александр Фадеев является очень сложной, противоречивой личностью. Личность Александра Фадеева, собственноручно лишившего себя жизни, до конца системы остававшегося ее честным служителем, является ярким свидетельством творческой судьбы, с рождения обладавшего писательским даром, большим творческим потенциалом и оказавшегося в тисках политики.

В последнее время о А.Фадееве высказано множество мнений, отличающихся разнообразием [1, 2, 3, 4]. Один простой читатель пишет: «Имя Александра Фадеева каждый связывает с его знаменитыми «Молодой гвардией» и «Разгромом». Недавно дома я обнаружил своё школьное сочинение на тему: «Образ Левинсона в романе Фадеева «Разгром». Перечитав его, вспомнил, как происходило моё знакомство с Фадеевым. Скупой рассказ учителя о его биографии, чтение вслух в классе отрывков из «Разгрома» да домашнее задание – сочинение...Заработать хорошую оценку позволяло чёткое следование пунктам плана, вычерченного на доске. Всё. Не больше и не меньше. Но сейчас – то мне стало понятно, что фигура Александра Фадеева требует переосмысления. Конечно, имя Фадеева сейчас современникам малоинтересно. Не знаю, остался ли Фадеев в школьной программе. Но это случайно найденное школьное сочинение вызвало у меня желание более детального знакомства с его личностью. И я, достав книгу Ивана Жукова «Фадеев» из серии «ЖЗЛ», признаться открыл для себя много нового и необычного об этом человеке с интересной судьбой. И для меня вопрос – кто же на самом деле был Фадеев: писатель или видный партиец и общественный деятель, так и остался открытым...»[5, с. 1].

В романе Александра Фадеева «Разгром» отмечается преобладание автобиографического начала. И в романе Габиден Мустафина наблюдается то же. Как доносит, как открывает писатель истину своего времени! Как относятся закономерности художественности и истина жизни. В пределах вот этого значимого вопроса и заключается основа, начало творчества, пространство для его полета, глубинная его цель.

Александр Фадеев свой роман «Молодая гвардия» написал, будучи месяц в Краснодаре. Габиден Мустафин также собирал сведения о жизни героя труда «Шиганака» на его родине.

Роман «Караганда» на промышленную тему был написан не только потому, что самой главной целью темы была художественность, но и потому что таковы были правда жизни, течение времени. Эта тема также много лет волновала и А.Фадеева, им написана «Черная металлургия».

Александр Фадеев был на руководящей должности в Союзе писателей СССР. Габиден Мустафин руководил Союзом писателей Казахстана.

Если говорить далее, общие этапы на жизненном пути, свойственные писателям, проживающим в одну эпоху, характерны для жизни и этих двух писателей.

Это – свидетельство прошлого. Если задасться целью поднять значимый вопрос о понимании, оценке, анализе этих творческих личностей в рамках современного художественного познания, то есть выводы, на которых необходимо остановиться.

Какие мысли высказывают исследователи литературы в последнее время о романе «Разгром»? Как, в каком значении отмечается в исследовании казахской литературы эволюция взглядов, связанных с «Очевидцем»?

В этой связи будет правильным отметить, что еще вчера Габиден Мустафин старался соответствовать идеологии времени, но теперь в возрасте, когда уже можешь сам давать указания, уже смело и свободно можешь заявить, что художник – это ты, имеешь право писать, противопоставляя себя течению общества, все это раскрылось широко в «Очевидце». Иначе даже у таких писателей, как Габиден, пишущих широко и свободно, нельзя сказать,

что не было случаев, когда они «спотыкались», они были, и об этом знают разборчивые, внимательные читатели, знакомые с его биографией.

Ученый Б. Рахимов в своей статье, посвященной исследованию фольклорных образцов, использованных в романе Г. Мустафина «Караганда» (статья называется «Связь письменной литературы с устной литературой»), поднимает большой разговор о романе и заканчивает его таким заключением, выводом: «Таким образом, произведение свободно, без принуждения повествующее о правде жизни, когда подходит к заключению, вдруг, как аргатак, которого ударили по голове, разворачивается и оказывается на не способным перейти вечную черту намеченного рубежа. Сказать жестче, щебечущий «жаворонок» знал это раньше нас. Это плоды времени, заставившего благородных отступить назад, высоту таланта снизиться. Сказать более – это боль души сотен писателей, утомление сердца. По-настоящему углубившиеся в творчестве писателя Габидена Мустафина исследователи это прекрасно видят и понимают. А поднимающий сложную проблему роман «Караганда» чем ценен?! Что ли тем, что живописует советскую эпоху?!» [6, с.48].

В вопросах-заклЮчениях Б.Рахимова, адресованных широким массам, лежит глубокий смысл, значение, связанное с необходимостью правильной оценки творчества писателя.

В этом смысле высказанное вот это мнение доктора филологических наук Мауена Хамзина отличается своей спецификой: «Что скрывать, в современном национальном литературоведении казахов пусть немного, но есть определенные недостатки. У нас преобладает удивление, преобладает восхищение. Не хватает анализа, не хватает пристального внимания к художественному миру писателя через его художественный текст» [7, с.10]. Отметив это, он далее пишет, что исследуемое «произведение на уровне мировой литературы». Если вдуматься в подоплеку этой оценки, то понимаешь, что высказывается пожелание – под анализ эстетического уровня родной литературы необходимо подводить научную основу, делаясь также и другими значимыми мыслями, вспоминает, как по поводу похожего на роман Габидена Мустафина «Миллионер», но написанного позднее «Рубежа» (автор – украинский писатель Ю. Мушкетик) был поднят разговор на Союзном уровне, был большой шум, и с огорчением отмечает, что о широкого диапазона писателе Г.Мустафине мы поговорили только у себя и на этом успокоились. Конечно, здесь М.Хамзин не может не знать, что в свое время произведения Габидена Мустафина на идеологической волне широко пропагандировались, что и другие народы знали о них. Волнующая М.Хамзина проблема – это то, что параметр «мировой уровень» должен быть применим лишь по отношению к писательскому кругозору, миру писательского мастерства.

«На примере «Разгрома» можно увидеть, как общепринятая интерпретация привела к полному искажению смысла текста в сознании нескольких поколений. Этому способствовало состояние литературной критики, преподавание литературы в школах и вузах в условиях тоталитарного режима и автоинтерпретация произведения, которая не могла быть иной в устах человека, искренне преданного коммунистической идеологии». Надо также учесть и противоречивость авторской позиции, которая на протяжении десятилетий не могла быть раскрыта и даже увидена и в силу сложившихся стереотипов, обнаружить в то время такое противоречие, значило похоронить, если не роман, то собственное исследование. Да и покрытые хрестоматийным глянцем произведения, подобные горьковской «Матери» и «Разгрому» просто-напросто не возбуждали исследовательскую мысль: все казалось ясным и лежащим на поверхности [8, с. 160].

Эта мысль явилась результатом обращения внимания на ошибочные направления критической мысли, которые в последнее время, разгромив «Разгром», свели его на нет. Авторы отметили, что в свое время истинная художественная ценность произведения полностью не была раскрыта, поэтому они последовательно анализируют чистые востребованные ныне направления, свидетельствующие об основах писательской сущности А. Фадеева, не коснувшейся изъянов. А.К. Воронский, обративший внимание на такие художественные решения в романе Фадеева, как печальный финал и широкое раскрытие внутреннего мира героя, чуждые прозе переворота, в своем мнении об этом произведении предлагает вот эти выводы в качестве доказательства. «Воронский увидел у Фадеева отражение инстинктивной, стихийной, подсознательной жизни, что он полагал одной из

важнейших задач искусства; увидел традиции толстовского психологизма и «те мелочи, на которых зиждется художество». Герои «Разгрома», - писал критик, - «живые люди, их наглядно представляешь себе» [8, с.160]. Далее он приводит высокую оценку В. Быкова об этом произведении.

Мнения, высказываемые в последнее время об образе Павла Мечика, подталкивают к разговору о Сарыбае. В этом смысле художественная значимость образа в казахской литературе еще ждет о себе разносторонних взглядов, мнений и суждений. Следует еще отметить, что в нашей литературной критике, литературных исследованиях о дошедшем до нас наследии хотя и говорится как о немного апатичном движении, но преобладает направление, которое, не являясь слишком «сторонником переворота», далеко от того, чтобы творчество писателей, построивших крепкое основание казахского словесного искусства, сходу обвинять и клеймить словами типа «время было такое, в соответствии с этим так писали», а рассматривает в значении художественного свидетельства эпохи историко-социальных потрясений, как истинную художественную ценность, спокойно, взвешенно анализирует в пределах эволюции взглядов, познания.

В прошедшем времени нельзя сказать что не были, были односторонние толкования образа Мечика, отличающиеся некоторыми сложными изгибами, рожденными правдой жизни, явлениями, которые возможны в жизни каждого простого человека. Безупречная личность – это слепо преданная идее личность, то, что было время, когда она существовала – это также вчерашняя истина. В этом смысле Сарыбала – это тоже герой, о котором нельзя сказать, что он полностью был предан идее. Габиден Мустафин в «Очевидце» нашел сложные художественные решения, касающиеся того, как пришедшие в казахскую степь политические потрясения вошли в жизнь и быт простого молодого человека, грани того насколько они вошли или нет в его плоть и кровь, он сумел художественно выявить истину из сумятицы многообразных течений. В последнее время исследователи начали высказывать достойные внимания мнения о способах создания героя, о способах правдивого разрешения переплетений в личности Сарыбалы.

В основе образов Мечика в романе А. Фадеева и Сарыбалы Г. Мустафина лежат биографические данные. Русские исследователи литературы о значении биографии писателя в природе художественного образа, обратили внимание на такое уместное замечание: «Но в трактовке художественного образа надо учитывать не только отражение в нем духовной биографии писателя, не только позицию автора – повествователя, но и силу традиций [8, с. 171].

Выводы. Писатель Габиден Мустафин, основы национального мировоззрения которого очень обширны, много учился художественным способам у мировой и русской литературы и сформировался под их влиянием, но исследование художественного пространства этого направления в манере и способах его письма можно сказать является целиной, не рассматривалось. Хотя образ Мечика в «Разгроме» и Сарыбалы в «Очевидце» относятся к одному и тому же времени, но в качестве художественного образа они создавались в разные времена. Между их созданиями лежит около сорока лет, одно бесспорно, что подоплекой этого является авторская позиция, мировоззрение, в целевом назначении лежит множество скрытых смыслов, пластов. Если бы образ Сарыбалы создавался в пределах 20-х годов XX века, то без сомнения ему тоже уготована была бы судьба образа Мечика, которого в течение 70 лет трактовали то так, то эдак. Поскольку он был написан по истечении многих лет, даже будучи произведением советской эпохи, создавался в результате взвешенного осмысления, с высоты времени, поэтому в «Очевидце» Г.Мустафин достиг достойной уважения победы. Несмотря на то, что в «Разгроме» Александр Фадеев отобразил торжество победы, в то же время поднимает важную проблему, показав, какой ценой досталась победа новой системы, однако о том, что в его время это осталось незамеченным, без внимания, что читатели 20-х годов недопоняли, говорится в высказанных позднее мнениях, и эти высказывания поднимают завесу еще одной истины. Если бы в свое время это «противоречие» в произведении привлекло внимание, то на только-только возвращающиеся ценности уже тогда был бы надет саван, и эти слова не напрасно сказаны. Образ Сарыбалы не был обруган, подвергнутый окончательной односторонней критике...

Примечания:

1. Фадеев А. Предсмертное письмо // Гласность. 1990. 20 сентябрь.
2. Фадеев А. Письмо А.Суркову // Советская культура. 1990. 27 октября.
3. Скороспелова Е.Б. Будущее не придет само... Духовная биография героического поколения в прозе 1920–1930 годов. М.: Просвещение. 1989. 141 с.
4. Торчинов В.А., Леонтьук А.М. Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб., 2000. 608 с.
5. Архив: №19. 11.05.2001. Солдат революции – <http://www.litrossia.ru/archive/39/soul/915.Php>
6. Габиден Мустафин и современная казахская проза: Научные статьи (на казахском языке). Караганда: Карагандинский экономический университет, 2002. с. 273.
7. Хамзин М. Сын степи (на казахском языке) // Азия транзит. 2002. №11.
8. Егорова Л.П., Чекалов П.К. История русской литературы XX века. Учебное пособие. Выпуск второй. Советская классика. Новый взгляд. – http://teneta.rinet.ru/rus/ee/egorova-lp_chekalov-pk_historia_russkoi_literatury.html

References:

1. Fadeev A. Deathbed letter // Glasnost'. 1990. 20 sentyabr'. (In rus.)
2. Fadeev A. Letter A.Surkovu // Sovetskaya kul'tura. 1990. 27 oktyabrya. (In rus.)
3. Skorospelova E.B. The future does not come by itself ... The spiritual biography of the heroic generation of prose 1920-1930 years. M.: Prosveshchenie. 1989. 141 s. (In rus.)
4. Torchinov V.A., Leontyuk A.M. Around Stalin: Historical and biographical directory. SPb., 2000. 608 s. (In rus.)
5. Arkhiv: №19. 11.05.2001. Soldier of the Revolution – <http://www.litrossia.ru/archive/39/soul/915.Php> (In rus.)
6. Gabiden Mustafin and modern Kazakh prose: Papers (in Kazakh). Karaganda: Karagandinskii ekonomicheskii universitet, 2002. s. 273. (In rus.)
7. Khamzin M. Syn stepi (na kazakhskom yazyke) // Aziya tranzit. 2002. №11. (In rus.)
8. Egorova L.P., Chekalov P.K. The history of Russian literature of the XX century. Uchebnoe posobie. Vypusk vtoroi. Sovetskaya klassika. Novyi vzglyad. – http://teneta.rinet.ru/rus/ee/egorova-lp_chekalov-pk_historia_russkoi_literatury.html (In rus.)

УДК 82

Снова читаю «Очевидца»

Шаридияр Валиханов

Аркалыкский государственный педагогический институт им. И.Алтынсарина, Казахстан
110300, г. Аркалык, ул. Е.Ауельбекова 16, кв. 20
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: Valihanov.1964@mail.ru

Аннотация. В статье подвергается художественному разбору роман Габидена Мустафина «Очевидец», считающийся высочайшим образцом автобиографического жанра в казахской литературе. Охвачен круг проблем, связанных с советской эпохой, судьбой писателя, с художественным анализом с учетом вышедших позднее заключений о творчестве А.Фадеева, далее автор переходит к рассуждениям, имеющим отношение к роману Габидена Мустафина «Очевидец».

Ключевые слова: автобиографическое произведение; сведения о жизни; герой; авторская позиция; писательская цель; личность; бунтарская проза; национальное мировоззрение.